

УДК 94 (470+571) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.3>

Ю.Ю. Гранкин

ПАРАМЕТРЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РОССИИ НА ОКРАИННЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются способы и механизмы влияния политического центра империи на имперские окраины. Особенностью имперской управленческой системы в России был её абсолютистский характер. По этой причине все существовавшие имперские государственные органы, имевшие право на нормотворческую деятельность, осуществляли делегированное нормотворчество, одобряемое и допускаемое монархом. В этой связи императору-государю принадлежало право создавать государственные органы и определять их устройство. При этом в своем взаимодействии с окраинами Россия никогда не выступала как восточная деспотия с характерным для неё тотальным государственным регламентированием общественной жизни и стремлением к униформизму. Россия представляла собой надэтническую общность, управляемую не национальной, а особой цивилизационной монархией, терпимой к плюрализму образов жизни, верований и этнических традиций.

Политический центр предоставлял своим провинциям имперский инструментальный созидательного существования, и тем способствовал их последующей конструктивной жизнедеятельности, не требуя абсолютного отказа от прежней традиции, но соотношения с имперской идентичностью и принципами монархизма. Региональные особенности вынуждали правительство с особой осторожностью относиться к выработке оснований для политики управления, чтобы избежать охлаждения чувств русских и коренных жителей империи к метрополии. Имперский центр устанавливал с каждой

провинцией определенный порядок взаимодействий, приносивший обеим сторонам коммуникации большее или меньшее удовлетворение.

В то же время универсализм (как схематизм и унификация) в их взаимодействии не получил достаточного развития, поскольку был опровергнут управленческой практикой. Поливариантность стала стержнем российской окраинной политики, которую можно было наблюдать на примере выстраиваемых отношений с Финляндией, Польшей или Кавказом. Все право, которое застала имперская власть на окраинных территориях, признавалось сохраняющим силу ввиду дарованных привилегий. Вмешательство центральной власти ограничивалось тем, что во главе присоединяемых земель ставился русский губернатор, в качестве органа высшего контроля. Имперскому делегату подчинялись прежние учреждения края, продолжавшие управлять и судить по прежнему законодательству. Только в области военной центральная власть свободно распоряжалась на новых территориях и в области финансовой начинали взиматься в центральную казну те налоги, которые установлены в подтвержденном прежнем праве.

Ключевые слова: политический центр, империя, окраины, монархия, нормотворчество, делегирование, окраинная политика, поливариантность.

Для цитирования: Гранкин Ю.Ю. Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 32–37. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.3

Yurii Yu. Grankin

PARAMETERS OF THE INFLUENCE OF THE POLITICAL CENTER OF RUSSIA ON THE OUTLYING TERRITORIES IN THE IMPERIAL PERIOD

The article discusses the ways and mechanisms of the influence of the political center of the empire on the imperial outskirts. A feature of the imperial administrative system in Russia was its absolutist character. For this reason, all existing imperial state bodies that had the right to rule-making carried out delegated rulemaking, approved and allowed by the monarch. In this regard, the emperor-sovereign owned the right to create state bodies and determine their structure. At the same time, in its interaction with the outskirts, Russia never emerged as an Eastern despot with its characteristic total state regulation of public life and the desire for uniformism. Russia was a supra-ethnic community governed not by a national, but by a special civilizational monarchy, tolerant to pluralism of lifestyles, beliefs, and ethnic traditions. The political center

provided provinces with imperial tools of constructive existence, and thereby contributed to their subsequent constructive life, not requiring an absolute rejection of the old tradition, but correlation with imperial identity and the principles of monarchism. Regional particularities forced the government to be especially cautious in developing the foundations for a management policy in order to avoid cooling the feelings of the Russian and indigenous inhabitants of the empire towards the metropolis. The imperial center established a certain order of interaction with each province, bringing more or less satisfaction to both sides of the communication. At the same time, universalism (like schematism and unification) in their interaction did not receive sufficient development, since it was refuted by managerial practice. Multivariance has

become the pivot of the Russian border policy, which could be seen by the example of relations with Finland, Poland or the Caucasus. All the right that imperial power found in the outlying territories was recognized as retaining force in view of the granted privileges. The intervention of the central government was limited by the fact that the head of the annexed lands was the Russian governor, as the supreme control body. The imperial delegate obeyed the previous institutions of the region, which continued to rule and judge according to the previous legislation. Only in the military field did the central government freely dispose in the new

Для управления обширными территориями, какими являются империи, создается административная система и административный аппарат, которые на основе определенного свода законов, регламентов и договоренностей осуществляют руководство и регулирование различными сферами жизни общества, контролируют и направляют взаимоотношения между различными социальными группами.

Особенностью имперской управленческой системы в России был её абсолютистский характер. Вся полнота государственной власти принадлежала монарху-государю. Существовавшие имперские государственные органы, имевшие право на нормотворческую деятельность, по сути, осуществляли делегированное нормотворчество, одобряемое и допускаемое монархом. В этой связи императору-государю принадлежало право создавать государственные органы и определять их устройство, что наглядно продемонстрировал император Петр I. На эффективность и работоспособность государственной системы управления влияла мера непосредственного участия государя в управленческом процессе [11, с. 411, 416].

В силу того, что империя представляет собой сложную систему взаимодействия разнородных политических элементов, имеющих разный правовой статус по отношению к имперскому центру, империи представляют тот тип государства, который сложился в процессе взаимодействия различных народов в одних государственных рамках [6, с. 147].

Характерной чертой имперского государства являлось наличие в его составе провинций или окраин, населенных различными этносами, которые сохраняли в рамках империи свое культурное своеобразие, свои традиционные элементы социальной организации и элементы обычного права или писанного законодательства в той мере, в какой они не противоречили, существовавшему одновременно с ними имперскому законодательству. Кроме того, окраины обладали естественной спецификой своего политического, экономического, конфессионального, экологического, демографического и географического своеобразия.

В своем взаимодействии с окраинами Россия никогда не выступала как восточная деспотия с характерным для неё тотальным государственным

territories and in the financial field did the taxes established in the confirmed previous law begin to be collected in the central treasury.

Key words: political center, empire, outskirts, monarchy, rule-making, delegation, border policy, multivariance.

For citation: Grankin Yu.Yu. Parameters of the influence of the political center of Russia on the outlying territories in the imperial period // Humanities and law research. 2021. No.4. P. 32–37. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.3

ным регламентированием общественной жизни и стремлением к униформизму. Россия представляла собой «метаэтническую общность», управляемую не национальной, а особой «цивилизационной монархией, терпимой к плюрализму образов жизни, верований, этнических традиций» [10, с. 303].

Рассматривая Россию как историко-культурный тип и феномен, скоро выясняется, что синонимом понятия «цивилизация» здесь часто выступает понятие «империя». «Империя как вмещалище многих народов, культур, конфессий, бытийных смыслов, пребывающих в синхроническом многоголосии, создающем полиморфизм метакультурного единства. Такое положение вещей сложилось потому, что весьма затруднительно отделить имперский комплекс от цивилизационной идентичности» [3, с. 149].

Имперская и цивилизационная идентичность делала упор на согласие многих этносов принимать определенные правила и идеи политической системы, но не на сочинение на их основе некоей новой этничности, т.н. «новой исторической общности», некоей социокультурной усредненности. Сама социополитическая практика отвергала всякую искусственность, выдуманность.

Предоставляя своим провинциям имперский инструментальный созидательного существования, Россия способствовала последующей конструктивистской жизнедеятельности, не требуя абсолютного отказа от первооснов их традиции, требуя лишь соотнесения и соподчинения их имперской идентичности и принципам монархизма.

Этнические территории, входившие в состав Российского государства в процессе колонизации, воспринимались государственным центром и его административной практикой как его окраины, внутреннее содержание которых изменялось на разных этапах развития имперской государственности [2, с. 59]. В XV – XVI вв. окраинами (украинами) стали считать и называть территории, не только отдаленные, но и политически подчиненные государственному центру.

По мере роста и расширения Российского государства увеличивалось и количество окраин, обладавших разнообразием климатогеографических, социальных, культурных и этнических особенностей, заставлявших государственный центр

вырабатывать для каждой окраинной территории особый административно-правовой режим и практику управления. Этот подход нашел законодательное закрепление уже в Судебниках 1497 и 1550 гг.

Данную ситуацию отмечал в своих работах историк и правовед Б.Э. Нольде. Он писал, что «в русском государственном быту рядом с элементами коронного управления и элементами всецело подчиненного русскому закону самоуправления существовали в высшей степени яркие явления граничащей с государственностью автономии отдельных местностей, входивших в состав Русского государства» [8, с. 781].

В XVII – XVIII вв. в орбиту государственного управления вошли Сибирь, Дальний Восток, Новороссия, Украина, Бессарабия. В XIX в. были разработаны модели окраинной политики для Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии (Туркестана). На данных территориях сохранялись специфические, характерные только для них учреждения и должностные лица, а также правовые системы. При этом следовало иметь в виду, что существовавшие особенности управления национальными окраинами определялись спецификой региональных задач, которые ставили перед собой имперские власти [11, с. 456].

Кроме того, региональные (украинные) особенности вынуждали правительство с особой осторожностью относиться к выработке оснований для политики управления, чтобы избежать охлаждения чувств русских и коренных жителей империи к метрополии. Имперский центр устанавливал с каждой провинцией (окраиной) определенный порядок взаимодействий, приносивший обеим сторонам коммуникации большее или меньшее удовлетворение.

В то же время универсализм (как схематизм и унификация) в их взаимодействии не получил достаточного развития, поскольку был опровергнут управленческой практикой. Примером такого негативного опыта были административные реформы 1842 г. барона П.В. Гана за Кавказом. Опыт поставил на повестку дня полиморфизм, как ответ на возникавшие трудности и препятствия. Однако и в этом направлении имперские власти соблюдали определенную осторожность, поскольку, если прибегнуть к авторитету известного врача Парацельса: «Всё есть яд и всё есть лекарство. Всё зависит от пропорции», и от конкретной ситуации, и от обстоятельств, и от многих других переменных социополитического существования. Для того чтобы проводить целенаправленные преобразования в стране с такими историческими и социополитическими особенностями, было важно «уметь разграничивать область политической мечты и область практически осуществимых мероприятий» [9, с. 10].

Поливариантность стала стержнем российской окраинной политики, которую можно было наблюдать на примере выстраиваемых отношений с Финляндией, Польшей или Кавказом [2, с. 60]. Например, Царство Польское признавалось «государством», обладающим «особенным управлением» и «своей», даруемой монархом, «конституцией», «причем последняя предусматривала народное представительство и национальные государственные учреждения: это государство соединяется (по-французски *est reuni*) «с Российской империей», и связь эта должна быть необходимо установлена в конституции царства, по которой последнее «на вечные времена» будет «во владении» русских монархов. Короче, Царство Польское – государство, соединенное с Россией посредством передачи русским монархам совокупности полномочий польских королей, в том числе и их власти учредительной» [8, с. 782].

Вариативность администрирования при этом во многом определялась как особенностями окраин, так и базовыми установками, выработанными и функционировавшими на глубинных уровнях политического управления имперского центра, выступавшими в качестве мотивов и стимулов, которые определяли её направленность. Так «возникновение системы русских областных автономий относится ко времени Московского царства. Впервые она функционирует на Украине» после 1654 года [8, с. 784]. Имперские окраины, получавшие права автономий, «сверх собственного механизма общего управления каждая ... обладала еще и собственным механизмом судебным. Его устройство и деятельность покоились на правовых актах более ранних, чем русская власть в крае» [8, с. 830].

На окраинах устанавливался своеобразный законодательный *status quo*. Все право, которое застала имперская власть, признавалось сохраняющим силу ввиду дарованных привилегий. Вмешательство центральной власти ограничивалось тем, что во главе присоединяемых земель ставился русский губернатор, в качестве органа высшего контроля. Имперскому делегату подчинялись прежние учреждения края, продолжавшие управлять и судить по прежнему законодательству. Только в области военной центральная власть свободно распоряжалась на новых территориях и в области финансовой начинали «взиматься в центральную казну те налоги, которые установлены в подтвержденном прежнем праве» [8, с. 834].

Империя всегда многолика по своей изначальной сущности. Эта многоликость и делает империю империей, а сохраняющийся многоликий облик провинций не только не является её слабостью, но выступает ресурсом, препятствующим сползанию имперской государственности к упрощению, за которым неизбежно следует де-

градация. Российская имперская элита, осуществлявшая властные полномочия в государстве, стремилась не к унификации, а к «симфонии» всех и вся частей страны. К этой симфонии и унисону стремились не потому, что в том проявлялась та или иная монархическая воля, но часто интуитивное осознание или даже мистическое предвидение того, что нельзя сохранить имперское достояние, разрушая многообразные этнические наследия [5, с. 41].

Этнокультурная и этнополитическая неоднородность российского имперского пространства и задачи его сборки в единый социально-политический организм осуществлялись путем создания особого взаимодействия центральной и периферийных (окраинных) элит, которые через выявления своей лояльности центру получали права делегатов этого центра. Имперские власти проводили систематическую кооптацию представителей местных элит в состав имперской элиты и использовали их качестве имперских администраторов на имперских окраинах.

Это становилось возможным благодаря согласию этнических элит с духом космополитизма и ориентации их на государственную службу, которые позволяли не только сохранить, но и укрепить прежний общественный статус, встроиться в новую систему государственного существования с наименьшими для них социально-политическими и социокультурными потерями. Эти процессы восприятия новой политической идентичности захватывали элитные слои всех присоединенных Российской империей территорий, в том числе, например, большого количества польских католических влиятельных фамилий, которые меняли свою идентичность на имперскую [12, с. 141].

Имперская (цивилизованная) культура — это всегда расширение границ политической и социокультурной идентичности. Благодаря этому Российское государство расширялось по всем сторонам света с исторически большой скоростью, что-то сродни полководью. При этом имперская идентичность требовала подчинения, но не отказа от базовых устоев прежней идентичности. Имперская идентичность сопровождалась сочетанием старого и нового, культурным полиморфизмом при едином целеполагании — служение монархии и государству.

Эту политическую традицию Россия унаследовала от Восточной Римской империи (Византии), которая строила свою государственность и властные структуры на космополитической и экуменической основе с соответствующими установками на терпимость и «интернационалистский» синтез [7, с. 215], создавая по своей сути имперское государство, в котором расширялось поле духовного и материального творчества населения метрополии и колонизируемых окраин.

Используя технологии имперской культурной колонизации, Россия, по сути, изменяла вектор развития своих окраин, обучая и подталкивая их к иному способу существования (особенно это касалось Кавказа, Туркестана или Сибири, как ранее это применялось среди угро-финских народов или племен Великой Степи). Империя показала им новые, мирные способы накопления и приобретения материальных благ, основанных на торговле, промышленности или аграрных занятиях вместо того, чтобы делать ставку на грабёж и набеги.

Российская имперская культура была одинаково понятной для всех, кого она колонизовала, но и приводила к сложным социокультурным трансформациям. Автохтонное население должно было пережить болезненную ломку устоявшегося миропонимания, адаптироваться к новым условиям [3, с. 29]. Миропорядок Российской империи в первую очередь был понятен всем бывшим колониям Византии или Орды, поскольку содержал в себе унаследованную от них структурность и базовые основания. С другой стороны, попытки найти приемлемые решения и договоренности с бывшими имперскими народами, каковыми, например, были поляки-католики, по большей части потерпели неудачу. Польская культура сама выступала как имперская католическая культура и сама долгое время претендовала на роль колонизатора [12, с. 159], потому Польша как имперская провинция доставляла Петербургу много различных неприятностей и не желала мириться со своим провинциальным и подчиненным статусом.

Одновременно все представленные выше особенности формирования и функционирования российской имперской государственности вели к складыванию авторитарной, абсолютистской по форме общественно-политической структуры, опиравшейся на перманентно создававшийся монархический персонализм, который имманентно вырастал из исторически обусловленного стихийного вождизма. Этот принцип политического существования был присущ всем уровням политического администрирования в России.

Имперская элита, формировавшаяся на принципах экуменизма и космополитизма, направленная на служение монарху, представляла собой две группы, состоявшие из имперской аристократии и имперской бюрократии, получавших права и привилегии, соответствовавшие их рангам, безотносительно от их прежней этнической принадлежности. Государственная служба и монархия сцементировали их ряды настолько хорошо, что позднее (после октября 1917 г.), во время реформирования сущностного характера новой государственности в России, «большевикам пришлось уничтожить представителей знати практически всех народов России, и в основном расправа касалась элиты» [6, с. 156], из-за её

социальной сплоченности и невозможности вписывания в создаваемые социально-политические структуры, строившиеся на принципе классового антагонизма.

Вместе с формированием общеимперской элиты происходило формирование общеимперской нации, состоявшей из большого количества «большого», «средних» и «малых» народов, иными словами общеимперская нация в России представляла собой многонациональную систему межэтнической коммуникаций, привязанных, также, как и элиты, к государству и монархии. В рамках такой привязанности снимался вопрос о доминировании одного этнического сообщества над другим, а «большой» народ опекал и защищал «малые» народы от возможного притеснения со стороны «средних» народов, как это часто бывало в истории.

Кроме того, «для решения специфических административных проблем окраин были созданы институты наместников и генерал-губернаторов, которые осуществляли управление отдельными периферийными территориями и вместе с этим способствовали их интеграции в империю» [1]. Главной задачей наместников была необходимость согласования генеральных имперских принципов с окраинными традициями. Формы и способы выработки такого согласования почти целиком делегировались и поручались наместникам, поскольку имперский центр интересовал не способ как таковой, а результат.

Если обратить внимание на деятельность наместников как на западных, так и на восточных или юго-восточных окраинах Российской империи, они достаточно часто прибегали к диалоговой практике в отношениях с местными элитами при неизменном внедрении генеральных принципов государственного служения и монархизма. При этом делегаты имперского центра избегали абсолютизации редуцирующего подхода внешней детерминации и игнорирования существовавших на окраинах особенностей интересов и воли. Они их вплетали (с большим или меньшим успехом) в генеральную линию имперского существования, использовали в имперских интересах их естественные склонности.

Исторические успехи имперского строительства в России наделяли имперских политических делегатов на «украинных» пространствах престижем, опираясь на который, наместники или генерал-губернаторы не испытывали методологических сомнений перед лицом инородного социокультурного и социополитического опыта.

Государство в России в силу указанного исторического опыта почти изначально доминировало над всеми и любыми общественными структурами, по крайней мере, за пределами государственного патронажа мало что могло надеяться на длительное существование и даже зарождение.

В силу данных исторических обстоятельств государственный патернализм был обязательной составляющей и даже основой почти любой общественной и индивидуальной деятельности.

В этой связи этатизм как принцип самоосуществления российской социально-политической жизни остается доминантным на протяжении длительного исторического периода. Из этого вытекала огромная роль государственной бюрократии, призванной осуществлять и поддерживать в рабочем состоянии все и вся механизмы государственного патернализма.

Управленческая система Российской империи была по своему характеру элитистской, поскольку сколько-нибудь широкие слои общества не могли каким-либо образом участвовать и влиять на механизмы принятия управленческих решений. Те или иные решения принимались внутри административных структур и носили закрытый характер. Более того, отмеченная элитарность крепко связывалась с корпоративностью, когда большинство механизмов и административно-правовых актов вырабатывалось в рамках ограниченного и крепко спаянного социально-культурными, экономическими и многими другими факторами и интересами социального слоя, имевшего законодательно закреплённую форму политического представительства. Речь идет о дворянском представительстве, инкорпорированном во властный механизм имперского государства.

Оценивая исторический опыт корпоративного управления, можно констатировать, что в рамках временной протяженности XIX века, такая система способствовала повышению управляемости общественными процессами, была привычной для всех социальных и этнических групп страны. Одновременно присущий российскому корпоративизму консерватизм препятствовал возможностям появления какой-либо конкуренции со стороны иных социальных групп, находившихся за пределами дворянской элиты, что само по себе могло породить определенную социально-политическую напряженность при погружении общества в условия каких-либо неблагоприятных обстоятельств как внутреннего, так и внешнего происхождения.

Важным дополнением, характеризовавшим российский имперский корпоративизм, был уже упомянутый нарастающий бюрократизм, достигавший в условиях абсолютистского правления, всеохватывающих масштабов. Бюрократизм как инструмент реализации абсолютистского правления предполагал перенесение акцента на абсолютный характер власти монарха, а не на его суверенность. Развитый бюрократический аппарат обеспечивал укрепление и дальнейшую централизацию имперского правления. Поэтому абсолютизм сделал ставку на бюрократические исполнительные органы, всецело подчиненные воле монарха.

Источники и литература

1. Абдилдабекова А.М. Теоретические проблемы изучения Российской империи в зарубежной историографии // Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2010. №2 (25). С.84-88.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской модели управления XIX века // Вестник Томского университета. 2018. №433. С.59 – 63.
3. Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. №132. С.22 – 33.
4. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Имперская государственность как условие и путь к единству России // Университетские чтения – 2015. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть I. Пятигорск, 2015. С.149 – 155.
5. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. Культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2001.1024 с.
6. Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.288 с.
7. Махнач В.Л. Империя для русских. М.: Алгоритм, 2015.240 с.
8. Мухаев Р.Т. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 623 с.
9. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб : Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
10. Омельченко Н. А. История государственного управления. В 2 ч. Часть 1. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 256 с.
11. Панарин А. С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. Выпуск 2. 1995.261 с.
12. Рубаник В.Е. История государства и права России. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2012.876 с.
13. Уралов С. Мировой порядок по-русски. СПб.: Питер, 2018. 320 с.

References

1. Abdildabekova A.M. Teoreticheskie problemy izucheniya Rossijskoj imperii v zarubezhnoj istoriografii (Theoretical problems of studying the Russian Empire in foreign historiography) // Vestnik KazNPU. Seriya «Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki». 2010. No.2 (25). P.84-88. (In Russian).
2. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Rossijskie okrainy v imperskoj modeli upravleniya XIX veka (Russian suburbs in the imperial management model of the 19th century) // Vestnik Tomskogo universiteta. 2018. No.433. P.59 – 63. (In Russian).
3. Grankin Yu.Yu. Kolonizacionnoe osvoenie Severnogo Kavkaza v poreformennyj period (The colonization of the North Caucasus during the post-reform period) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. No. 132. P.22 – 33. (In Russian).
4. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. Imperskaya gosudarstvennost' kak uslovie i put' k edinstvu Rossii (Imperial statehood as a condition and path to the unity of Russia) // Universitetskie chteniya – 2015. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU. CHast' I. Pyatigorsk, 2015. P.149 – 155. (In Russian).
5. Kondakov I.V., Sokolov K.B., KHrenov N.A. TSivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu ehpokhu. Kul'turologicheskij, sotsiologicheskij i iskusstvovedcheskij aspekty (Civilizational identity in a transitional era. Cultural, sociological and art aspects). Moscow: Progress-Traditsiya, 2001. 1024 p. (In Russian).
6. Makhnach V.L., Elishev S.O. Politika. Osnovnye ponyatiya: spravochnik, slovar' (Politics. Basic concepts: reference book, dictionary). Moscow: OLMA Media Grupp, 2008. 288 z. (In Russian).
7. Makhnach V.L. Imperiya dlya russkikh (Empire for Russians). Moscow: Aloritm, 2015. 240 p. (in Russian).
8. Mukhaev R.T. Geopolitika (Geopolitics). Moscow: YUNITI-DANA, 2007. 623 p. (In Russian).
9. Nol'de B.EH. Istoriya formirovaniya Rossijskoj imperii (The history of the formation of the Russian Empire). St. Petersburg, 2013. 848 p. (In Russian).
10. Omel'chenko N.A. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya (History of Public Administration). In 2 parts. Part 1. Moscow: YURajt, 2016. 256 p. (in Russian).
11. Panarin A. S. Vybor Rossii: mezhdou atlantizmom i evrazijs'tvom (Russia's Choice: Between Atlantism and Eurasianism) // TSivilizatsii i kul'tury. Issue 2. 1995. 261 p. (In Russian).
12. Rubanik V.E. Istoriya gosudarstva i prava Rossii (History of State and Law of Russia). Moscow: YURAJT, 2012. 876 p. (in Russian).
13. Uralov S. Miroporjadok po-russki (Russian world order). St. Petersburg: Piter, 2018. 320 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации / Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия) / grankinj@pglu.ru

Information about the author

Grankin Yurii Yu. – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia) / grankinj@pglu.ru